

Здравствуйте, дорогой Виктор Васильевич!

Получила сразу два номера Вашего замечательного журнала, читаю с огромным интересом и удовольствием.

Поздравляю с 15-летием коллектив журнала и желаю творческого долголетия и плодотворного труда на ниве отечественной литературы!

Журнал справился со всеми трудностями нашего «нелитературного» времени и стал заметным явлением в современной литературе, привлек ведущих современных писателей и заинтересованных читателей.

Успеха и процветания!

С уважением и теплом – Нина Ягодинцева.

В МАЛОЙ ГОРСТОЧКЕ ТЕПЛА

* * *

Узкие реки ещё широки,
Влагой тяжёлой наполнены доли...
Это весна замедляет шаги
И выпускает на волю глаголы.

Ропот листвы, лепетание трав
Грелись за пазухой, крылышки смяв,
Молча теснились и пели беззвучно,
От ожиданья свободы устав.

Вот и протянута в небо рука –
Вот и свобода, горька и легка,
И над затопленную переправой
Солнце на север несёт облака.

Жаром спалив молодые уста,
Полой воды отхлебнёт высота,
Острые струи свернут в тальники,
Ропот и лепет неся в тайники, –
Всё это будет потом, а покуда
Узкие реки ещё широки.

Радость говорить – пробовать на вкус
Воздуха сырой серебрёный хруст,
Корочку морозца ломая
До горячей мякоти мая...

Кто для нас с тобой этот хлеб растил?
Кто его питал солнцем спелых сил,
Песни пел над зреющей нивой –
Молодой, влюблённый, счастливый?

Прижимал к груди запад и восток,
Растирал в руках крепкий колосок –
И высокой светлой страдаю
Проходил бескрайней страной...

Собран урожай, смолота мука,
Мякоть горяча, корочка сладка –
Ешь, дитя, расти, не печалься,
На лихом ветру не качайся!

* * *

В малой горсточке тепла
Спать да спать, дыша неровно...
Боль пройдёт, как ночь прошла.
И она была огромна,

И она была темна,
И её гроза взрывала –
Даже в горсточку тепла
Ветром брызги задувало.

И, почти сводя с ума
На немислимой поверке,
Била высверками тьма
Прямо в сомкнутые веки.

И казалось, выше сил
Неумолчный грохот ада –
Только кто-то подносил
Сердцу тихую прохладу,

Утирал огонь со лба,
Молча истово молился...
Сохрани во сне, судьба,
Эти призрачные лица,

Эти ясные глаза,
Свет лучащие, спасая.
Тающие голоса,
Невесомые касанья...

* * *

Ненасытной удалью молодой тоски
Воровская музыка мечется в такси.
Бьётся в стёкла, поймана чёрным коробком...
Что она, о ком она? Больше ни о ком.

Вспоминать не велено, всё пошло не так:
От проспекта Ленина на Свердловский тракт,
Дальше – Комсомольского бурная река...
Помяни их, Господи: мальчиков зека,

Девочек без вызова, ужас чёрных трасс...
Музыка неистово обвиняет нас,
Выживших в развалинах, помнящих едва:
Музыке позволено, музыка права!

Слов не слушай, Господи: лгут слова навзрыд.
Плотный сумрак в городе фонарями взрыт,
Высверками высвечен, фарами в упор –
Музыка неистово продолжает спор

Не за души сгинувших в ужас и во тьму –
За невинных нынешних, за себя саму,
Разудало-жалкую в гиблой слепоте,
С неизменно ржавою финкой в сапоге...

* * *

Осени печальная отрада,
Тайна, не открывшая лица, –
На Успенском, в устье листопада,
Слева от маршрутного кольца.

Узенькая долгая аллея
С ломким молодым карагачом
Увела как дудочка-жалейка
И не пожалела ни о чём.

Увела... Под лёгкими шагами
С облаков осыпалась пыльца.
Больше ничего не слышно в гаме,
В грохоте маршрутного кольца.

И не пожалела – но, жалея
Всё, чего отныне больше нет,
На другом конце пустой аллеи
Возникает светлый силуэт...

Замирает сердце, привыкая
Доходить до края, до конца,
Слабую слезинкой размыкая
Пыль и сталь маршрутного кольца.

АРКАИМ

Небо, мягкие лапы к земле прижав,
Дышит печальным запахом спелых трав.
Солнце звенит в зените, и сам зенит,
Высохший до серебряного, звенит,

Звон проливается в землю, словно вода –
И оживают мёртвые города,
В тысячелетнюю сеть травяных корней
Рыбами угодившие в толще дней,
И на тугой излучке реки степной
Стены вздымаются солнечною волной.

Имя твое утрачено – но утрат
Было немало развеяно на ветрах.
Память твоя повержена – но зола
Тысячи раз молодой травой взошла.
И точно так же, как тысячи лет назад,
В зное весёлые кузни твои звенят...

Воздух калёный темнеет – идёт гроза,
Выше тревожные женские голоса,
Детские крики, назойливый скрип ворот –
Краешек тучи горой над горой встаёт,
И настаёт, осязаема и видна,
Предгрозовая свинцовая тишина...

Но колесницей в гулкой омут жары
Ветер неудержимо летит с горы!

Памяти не устоять на таких ветрах –
Рушатся древние стены в горячий прах,
И в непокорную землю у самых ног
Время вбивает сырой грозовой клинок.

* * *

Когда бы знали мы на самом деле,
Как наши карты звёздные легли...
Она сидела на краю постели –
Усталый путник на краю земли.

Перебирая в пальцах бесполезно
Больничную застиранную бязь,
Она глядела в пол, как будто в бездну,
Где космос открывался ей, клубясь.

Несли таблетки, кашу приносили,
С трудом тянули кровь из бледных жил...
Июль пролил на окна столько сини,
Так листьями по стёклам ворожил,

Так объявлял грозу, молил о чуде,
Так умолкал в изнеможенье: будь!
...Никто не знает, как ступают люди
На бесконечно долгий звёздный путь,

Как за спиною вдоль высоких окон
Проглядывают линии орбит...
Как на столе в стакане одиноком
Серебряная ложечка звенит.

* * *

Начать бы эту зиму заново –
Зачем так ластится ко мне
Платочек шёлка чужеземного,
Цветы не наши по кайме...

Зачем душа себя нарушила
В угоду страсти и тоске,
Звеня как ледяное кружево
На индевелом волоске?

Блуждает свет за занавесками,
Легко искрит в наплывах льда –
Как пышно расцвели Крещенские
Спасительные холода!

И перед будущими грозами
Сырой и душной летней тьмы
Стоят нетронутыми розами
Большие белые дымы...

На крещенском морозе, на полном серьёзе,
На хрустящем снегу золотые полозья...
Золотые, литые из солнечной стали –
Словно свет растворён в ослеплённом металле...

На крещенском морозе, горячем на выдох,
Ни судьба не обманет, ни случай не выдаст:
Если день ненадолго, то ночи – с лихвою,
От собачьего лая до волчьего воя.

На крещенском морозе, под лунной заплаткой
Жизнь покажется краткой, покажется сладкой,
И покатится весело в санках под горку,
И окажется долгой, окажется горькой,

Ах, когда б мы, наивные, вызнали сами,
Кто на ярмарке шумной дарил леденцами,
Раздавал да прихваливал сдобным словечком,
Всё-то накрепко помня о детском и вечном...

Так останься же тайной отрадой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отречение
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свечение
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто не молит золу золотую:
Озари, воскреси, оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви...

Так останься же памятью майской
За оградой прожитых лет,
Где сияет прощальной лаской
Фонаря остывающий свет...

* * *

Сошла высокая вода...
Душа, откуда столько боли?
Несёт черемуха в подоле
Малиновые холода.

Идет, боса и весела,
В прозрачном облаке остуды,
Не сетуя на пересуды
На шумных улицах села,

Навстречу ей сквозит трава,
До солнца воздух пробивая,
И жизнь такая молодая,
И лишь поэтому права.

И ладно – лишь бы все цвело,
Не вспоминай в весенней силе,
Что руки нежные застыли
И пальцы тонкие свело.

* * *

И вот уже когда молчанье прервано
И сердцу больше нечего скрывать,
Покажется, что ты приходишь первая
По именам печали называть...

Пересыхают губы, обезвожены,
Стремительным огнём обожжены...
За что тебе такое счастье, боже мой,
За что такая пагуба вины?

Тянулись дни, тяжёлой цепью скованы,
Но с грохотом легла на на камни сталь –
По имени, по звуку родниковому
Печаль приходит к ласковым устам.

О, эти имена бытуют издавна,
Накапливая силу, как вино...
И что ни будет названо – всё истина,
А что не будет – будет всё равно.